

А.М. Гринев*

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УСАДЕБ X в.
СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА)**

A.M. Grinev

**HISTORY OF RESEARCH OF THE 10th CENTURY
ESTATES FROM MEDIEVAL NOVGOROD
(ON MATERIALS OF THE NEREVSKY SITE)**

Аннотация. Изучение материалов Неревского раскопа (1951–1962), который до настоящего времени остается крупнейшим в Новгороде, продолжается более 60 лет. За эти годы появилось большое число публикаций, затрагивающих различные сферы жизни средневековых новгородцев: домостроительство, благоустройство усадеб, хозяйственную деятельность и т.д. Были рассмотрены целые категории предметов и отдельные уникальные находки, разработана их типология и хронология, некоторым из них дана этническая характеристика; исследован комплекс берестяных грамот. Благодаря исключительной сохранности дерева по материалам Неревского раскопа впервые в отечественной археологии был разработан и применен дендрохронологический метод датирования. Целью данной работы является анализ историографии и характеристика материалов, касающихся изучения наиболее ранних усадеб Неревского раскопа. Основные работы по этой проблеме разделены на три группы. В первой рассматриваются труды, относящиеся к изучению стратиграфии и хронологии Неревского раскопа, вопросов домостроительства и благоустройства усадебной территории, усадебной планировки. Вторая группа характеризует работы по исследованию материальной культуры раннего Новгорода. В этом разделе приводятся труды, посвященные предметам из железа, цветных металлов, стекла, кости, дерева и глины, а также рассматриваются связанные с ними проблемы хозяйственной деятельности, этнокультурных контактов и т.д. В третью группу объединены исследования, посвященные комплексному изучению усадеб. Основной акцент здесь сделан на работах по методике анализа материалов, на новых подходах к изучению усадеб и связанных с

* *Гринев Андрей Михайлович*, аспирант кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Grinev Andrey Mikhailovich, Postgraduate Student of Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow State Lomonosov University

+7-952-481-71-25; amgrinev@mail.ru

этим перспективах исследования. В заключении ставится проблема необходимости дальнейшего изучения ранних материалов Неревского раскопа, поскольку в научный оборот введена лишь небольшая их часть, а также обозначена важность комплексного подхода к исследованию усадеб раннего Новгорода. Это позволит решить многие вопросы, связанные с исторической ролью Новгорода в эпоху образования древнерусского государства.

Ключевые слова: Неревский раскоп, новгородская археология, средневековые усадьбы, новгородское домостроительство, материальная культура, ГИС (геоинформационная система).

Abstract. The studies of the materials of the Nerevsky site (1951–1962), which still remains the largest one in Novgorod, have continued for over 60 years. Over these years quite a number of contributions have been published on various aspects of life on medieval Novgorod residents: residential construction, maintenance of estates, economic activities and others. The subject of analysis were categories of items and some unique finds, which were classified by typology and chronology, and some of the received ethnic characteristics; a set of birch-bark manuscripts was studied. Due to exceptional preservation of wood in the Nerevsky site the tree-ring dating method was developed and used there for the first time in Russian historiography. The purpose of this work is to review historiography and characterize those materials that deal with the earliest estates of the Nerevsky site. The major works can be divided into three groups. The first group are the works on stratigraphy and chronology of the Nerevsky site, house building and maintenance of estate territory, layout of the estate. The second group contains works on material culture of early Novgorod. In this section there are works on items of iron, non-ferrous metals, glass, bone, wood and clay, and also some related issues as economic activities, ethnocultural contacts and other activities. The third group comprises works on comprehensive study of estates. The focus is on the methods of analyzing the materials, on new approaches to study of estates and the prospects for further research. The conclusion emphasizes the necessity for further studies of early materials of the Nerevsky site, since only a small part of them was introduced into academic use, and also the importance of comprehensive approach to research of early Novgorod estates. This offers new opportunities in resolving many issues related with the historical role of Novgorod during the emergence of the Old Russian state.

Keywords: Nerevsky site, archeology of Novgorod, medieval estates, Novgorod house building, material culture, GIS (geographic information system).

* * *

Неревский раскоп был заложен в 1951 г., в дальнейшем его площадь постепенно увеличивалась и достигла к 1962 г. 8840 кв. м. Мощность культурного слоя здесь составила около 7 м, средневековые напластования датируются серединой X — первой половиной XV в. Тем самым впервые в городской археологии была исследована огромная

площадь средневекового города, в результате чего были получены бесценные источники для изучения истории не только Новгорода, но и в целом Древней Руси. В течение 12 лет на Неревском раскопе были вскрыты мостовые трех улиц, исследовано 17 усадеб и 1100 хорошо определимых построек, найдено свыше 90 тысяч индивидуальных находок, более двух млн фрагментов керамики, более 20 тонн костей животных, свыше нескольких сот тысяч обрезков кожи, несколько тонн обугленного зерна. Благодаря исключительной сохранности дерева по материалам Неревского раскопа впервые в отечественной археологии был разработан и применен дендрохронологический метод датирования. В результате была создана дендрохронологическая шкала, которая дала возможность получить абсолютные даты и датировать мостовые, постройки и находки с большой точностью.

Библиография работ, связанных с материалами Неревского раскопа, насчитывает сотни разного рода публикаций. Все эти работы можно разделить на три блока: 1. Усадебная застройка, домостроительство, благоустройство. 2. Вещевые комплексы, материальная культура. 3. Комплексное изучение усадеб на основе построек, берестяных грамот и вещевых находок. Материалы X в. отдельно в этих работах не рассматривались. Различные аспекты, касающиеся данного периода, как правило, являлись частью общих тем, и лишь в исключительных случаях акцент делался конкретно на проблемах ранней истории города.

Необходимость систематизировать и анализировать огромное количество разнородного археологического материала, который ежегодно увеличивался, предопределила и способ его изучения. За каждым из сотрудников Новгородской археологической экспедиции была закреплена тема исследования, в результате чего были классифицированы и изучены строительные сооружения (мостовые, постройки), а также различные вещевые комплексы.

I. Усадебная застройка, домостроительство, благоустройство.

Первыми исследователями усадебной застройки и домостроительства были Б.А. Колчин и П.И. Засурцев. Большая заслуга в разработке новгородской хронологии, стратиграфии и усадебной застройки принадлежит Б.А. Колчину, который впервые обратился к этим проблемам в 1954 г., когда площадь раскопа составила более 3000 кв. м. Он разделил культурный слой на ярусы, под которыми понималась совокупность хронологически связанных между собой мостовых, жилищ и других сооружений, а также находок, обнаруженных в этих постройках или рядом с ними. К X в. были отнесены три строительных яруса (26–28), для которых на основании комплексного анализа

археологических и письменных источников Б.А. Колчин получил следующие даты: 28-й ярус — середина X в.; 27-й ярус — 70–80-е гг. X в., 26-й ярус — 90-е гг. X в. — начало XI в.¹ Впоследствии, благодаря дендрохронологическому методу уличные мостовые получили абсолютные даты и хронология ярусов была существенно уточнена. По новым данным ярус 28 был сооружен в 953 г.; 27 — в 972 г.; 26 сооружен в 989 г. и просуществовал до 1005 г.² В этой же статье исследователь кратко охарактеризовал постройки усадеб X в. и отметил плохую сохранность дерева для этого периода.

Изучение усадеб и построек средневекового Новгорода стало темой исследования П.И. Засурцева. В 1963 г. им была опубликована большая статья, в которой подробно рассмотрена конструкция жилищ, разработана типология жилых домов, детально изучена застройка усадеб X–XV вв., выделены особенности их развития³. Это работа до сих пор является основополагающим трудом в исследовании усадеб Неревского раскопа. При изучении усадеб X в. П.И. Засурцев отметил, что первые поселенцы уже были носителями определенных традиций жилищного строительства и возведения общественных сооружений. Для их владений были характерны один довольно крупный дом и несколько хозяйственных построек. В конструктивном плане жилые здания различались. Большинство из них представляли собой однокамерные постройки без сеней, и лишь некоторые имели привходные сооружения. Рассматривая динамику застройки усадеб, П.И. Засурцев предположил, что первоначально в Неревском конце существовало два поселка, которые по мере развития города соединились. Один из них, более ранний, был расположен в северной его части (усадыбы А, З), другой, основанный позднее, — в южной (усадыбы К, И, Е)⁴.

Благодаря работам на Троицком раскопе (с 1973 г.), площадь которого достигла к 2017 г. 8200 кв. м, появилось много новых данных об устройстве домов Новгорода, в том числе относящихся к начальному периоду освоения территории города. В этой связи многие из построек Неревского раскопа, особенно древнейшие, в последние

¹ Колчин Б.А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции (НАЭ). Т. 1. М., 1956. С. 137 (МИА. № 55).

² Колчин Б.А. Дендрохронология Новгорода // Труды НАЭ. Т. 3. М., 1963. С. 85, 95 (МИА. № 117).

³ Засурцев П.И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // Труды НАЭ. Т. 4. М., 1963. С. 6–126 (МИА. № 123).

⁴ Засурцев П.И. Усадьбы и постройки ... С. 84–86.

десятилетия были пересмотрены Н.Н. Фараджевой⁵. В ряде статей она отметила сходство некоторых приемов домостроительства Троицкого и Неревского раскопов, которые не были выявлены ранее. У ряда построек X в. на Неревском раскопе были обнаружены фундаментные площадки, по-новому были атрибутированы некоторые привходные конструкции (крыльца-площадки, трехстенные прирубы). Это привело к принципиально новой оценке использовавшихся строительных приемов.

Теме благоустройства усадеб посвятил ряд работ А.Н. Сорокин, который рассмотрел вопросы устройства мостовых улиц и дворовых вымосток, планировки усадеб, возведения оград, обеспечения водоснабжения. Для раннего Новгорода А.Н. Сорокин отметил существование наряду с «традиционными мостовыми» мостовых, опиравшихся на две лаги, или комбинированное мощение улиц. Среди других особенностей сооружения уличных трасс в ранний период отмечена частичная или полная разборка настила с сохранением подкладок. По мнению А.Н. Сорокина, срок эксплуатации настилов в ранний период (X–XI вв.) был больше обычного и достигал 30 лет, что объясняется невысокими темпами накопления культурного слоя⁶. В отношении способов ограждения территорий исследователь вслед за П.И. Засурцевым отметил, что наряду с традиционными частоколами в слоях X в. встречались и иные способы ограждения владений, к числу которых относились плетни и заборы, сооруженные в «заплот».

II. Вещевые комплексы, материальная культура. Параллельно с исследованием строительных сооружений активно велась работа по изучению разнообразных категорий предметов из всех известных в средневековом Новгороде материалов: железа, цветного металла, кости, глины, стекла, камня и янтаря, кожи и дерева. Изделия X в. в основном рассматривались в рамках обобщающих работ по той или иной категории находок. На первых порах основной задачей изучения вещевых коллекций была систематизация находок, разработка типологии и хронологии изделий, поиски аналогий и установление этнокультурных взаимосвязей. Работ такого формата очень много, поэтому в рамках данной статьи будут рассмотрены лишь основные.

⁵ Фараджева Н.Н. Фундаментные конструкции деревянных построек Людина конца средневекового Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 567; Она же. Постройки Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицких I–XI раскопов). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 166–188.

⁶ Сорокин А.Н. Благоустройство Древнего Новгорода. М., 1995. С. 8–17.

Орудия труда и другие многочисленные железные изделия стали предметом многолетних исследований Б.А. Колчина, который наряду с традиционным типологическим методом изучения вещей впервые применил металлографический анализ. Этот метод дал возможность выяснить технологию изготовления тех или иных изделий, ее развитие в разные хронологические периоды и, наконец, определить уровень развития железообрабатывающего ремесла в средневековом Новгороде⁷. Автор систематизировал большую коллекцию железных инструментов, собранную на Неревском раскопе с 1951 по 1955 г., разработал их типологию и хронологию. Весь инструментарий исследователь разделил по функциональным признакам на металлообрабатывающий инструмент, деревообделочный, универсальный инструментарий, сельскохозяйственные и промысловые орудия труда, замки и ключи, весы и гири и хозяйственный и домашний инвентарь, принадлежности костюма и прочий разный инвентарь.

Характеризуя коллекцию предметов X в., Б.А. Колчин отметил в ней наличие разнообразных специализированных инструментов (топоры, пилы-ножовки, сверла, долота, свёрла, резцы и т.д.). Несмотря на малое количество этих предметов, они свидетельствуют о том, что с начала появления города его жителям был известен практически весь спектр ремесел, которыми занимались новгородцы и в последующее время. Наряду со специализированными инструментами в коллекции широко представлены и универсальные инструменты (ножи, ножницы, шилья, швейные иглы). Важный вывод был сделан исследователем при металлографическом анализе режущих инструментов, прежде всего ножей. Оказалось, что для X в. характерна сложная технология изготовления лезвий из трех или пяти чередующихся железных и стальных полос, что позволяло инструменту самозатачиваться в процессе эксплуатации. Такой технологический прием был характерен для производства в X–XII вв., а затем сменился более примитивной наваркой стального лезвия на железную основу. Среди бытовых предметов Б.А. Колчин выделил характерные для X в. типы замков и ключей, а также другие предметы домашнего и хозяйственного инвентаря.

Большую группу изделий из железа составляют предметы вооружения, которые рассматривались в работах А.Ф. Медведева и А.Н. Кирпичникова. Первые обобщения по этой теме были предприняты в конце 50-х гг. А.Ф. Медведевым в статье «Оружие Новгорода

⁷ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. // Труды НАЭ. Т. 2. М., 1959. С. 7–120 (МИА. № 65).

Великого», где были рассмотрены предметы, исследованные на Неревском раскопе до 1956 г. Все оружие разделено исследователем на четыре категории: оружие ближнего боя, оружие дальнего боя, защитное вооружение и предметы снаряжения коня и всадника. В ранних слоях Новгорода автор зафиксировал разнообразные деревянные рукояти игрушечных мечей, имитирующие боевые мечи, железную секиру-чекан, два наконечника сулиц и костяную гирьку кистеня. Об оружии дальнего боя А.Ф. Медведев пишет, что для жителей древнейшего Новгорода были характерны луки и стрелы. Использование луков также подтверждается находками детских игрушек, имитирующих боевое оружие⁸. Наконечники стрел X в. в этой работе были представлены разнообразными типами, а все наконечники Неревского раскопа были введены в научный оборот в своде «Ручное метательное оружие: лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв.», опубликованном в 1966 г.

В дальнейшем материалы Неревского раскопа были привлечены для общей характеристики военного дела А.Н. Кирпичниковым, составившим свод предметов вооружения IX–XIII вв. с территории Древней Руси. Из новгородских находок автор учел в данном своде в основном материалы, опубликованные до 1956 г. Несмотря на это работа А.Н. Кирпичникова имеет большое значение для изучения раннего Новгорода, поскольку предметы вооружения, найденные на Неревском раскопе, рассмотрены в ней в широком культурно-историческом контексте⁹.

Коллекция ювелирных изделий, насчитывающая сотни разнообразных предметов, была собрана, систематизирована и проанализирована М.В. Седовой, посвятившей этой проблематике несколько работ. Началом для ее исследования послужила коллекция ювелирных изделий, обнаруженных на Неревском раскопе до 1956 г. включительно. Среди многочисленных предметов из цветного металла автор выделила изделия, характерные для X в., в числе которых преобладали различные нагрудные привески. Их анализ привел исследовательницу к выводу, что богатый набор привесок был связан с языческими культами дохристианского Новгорода и эти вещи служили амулетами. Некоторые из ювелирных предметов носили выраженные этнические признаки: финно-угорские или скандинавские. Данная работа стала основой монографии М.В. Седовой «Ювелирные изделия древнего

⁸ Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды НАЭ. Т. 2. М., 1959. С. 121–191 (МИА. №65).

⁹ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М., 1966. 146 с. (САИ; Вып. Е1-36); Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М., 1966. 141 с. (САИ; Вып. Е1-36).

Новгорода (X–XV вв.)», в которой автор обобщила весь материал Неревского раскопа и дополнила его находками других раскопов¹⁰. В этой монографии были систематизированы и проанализированы практически все категории ювелирного производства: разнообразные украшения, христианские древности (крестики, иконки, детали паникадил), детали костюма, бытовые предметы, различные накладки и др. Исследовательница отметила характерные для X в. изделия, в числе которых оказались поясные накладки, пластинчатые и массивные браслеты и перстни с определенными типами орнамента, височные кольца. Отдельно были рассмотрены предметы скандинавского происхождения X — начала XI в., количество которых незначительно. На основании анализа ювелирных изделий с этнической окраской М.В. Седова сделала вывод о наличии в ранних слоях Неревского конца изделий западнофинского и балтийского происхождения.

В последние десятилетия ювелирные украшения стали темой исследования Л.В. Покровской, которая систематизировала коллекцию ювелирных изделий Троицкого раскопа и сравнила их с материалами Неревского раскопа. Особое внимание исследовательница обратила на ранний период, когда этнокультурная принадлежность изделий проявляется особенно ярко. В статье, посвященной ювелирным украшениям X–XI вв., найденным на Неревском и Троицком раскопах, она распределила их на четыре группы: древнерусские, финно-угорские и балтские, скандинавские и этнически неопределимые¹¹. Л.В. Покровская обратила внимание на значительное присутствие в материальной культуре Новгорода X–XI вв. финно-угорского и балтского компонентов. Количественное распределение этих вещей в древнейших слоях Неревского и Троицкого раскопов было примерно равным. Кроме того, она отметила крайне незначительное скандинавское влияние на новгородскую культуру. Общий вывод исследовательницы состоял в том, что формирование городского населения складывалось на основе разноэтничных компонентов — славянского и общебалтского.

Для эпохи раннего средневековья одной из важнейших категорий предметов являются стеклянные бусы. Благодаря их многочисленности и большому разнообразию форм и типов они стали надежным хронологическим индикатором. К изучению стеклянных бус Неревского раскопа в середине 50-х гг. прошлого века обратилась

¹⁰ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 180–192.

¹¹ Покровская Л.В. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 51–64.

Ю.Л. Шапова¹². Она предложила типологию этой категории вещей и определила временные рамки бытования каждого типа. Результатом этого исследования стал обоснованный вывод о том, что наибольшее количество бус на Неревском раскопе было найдено в слое X в. Впоследствии этот вывод подтвердился и материалами других раскопов.

Для исследователей Древней Руси работа Ю.Л. Шаповой приобрела особое значение. Благодаря надежной датировке стеклянных бус из раскопок Новгорода, она стала одной из опорных статей в изучении памятников не только Северо-Западной Руси, но и всей Восточной Европы, поскольку бусы являются важнейшей датирующей категорией находок. Однако, надо отметить, что в статье Ю.Л. Шаповой анализу подверглись бусы, найденные только до 1954 г. Следовательно, они не получили привязки к дендрохронологической шкале, поскольку данный метод датирования стал применяться только с 1959 г. К сожалению, значительная коллекция стеклянных бус из раскопок 1955–1962 гг. до сих пор не обработана.

В отличие от стеклянных бус коллекция украшений из камня и изделий из янтаря, найденных на Неревском раскопе, была полностью проанализирована М.Д. Полубояриновой. В статью, посвященную полудрагоценным камням и янтарю из раскопок Новгорода, она включила также материалы других раскопов, что делало ее выводы надежно аргументированными. Автор отметила характерные для X в. бусы из сердолика и хрусталя, а также появление в ранний период изделий из янтаря. Заслуживает внимания предпринятое исследовательницей сопоставление хронологии новгородских находок и аналогичных изделий других памятников, продемонстрировавшее различия в датировках одних и тех же предметов¹³.

Самую многочисленную группу в вещевой коллекции Новгорода составляют деревянные предметы, ассортимент которых необычайно велик. Дерево было основным поделочным материалом, начиная от строительства дома и кончая разнообразными изделиями бытового и хозяйственного назначения. Систематизацией этого материала занялся Б.А. Колчин, подготовившей два свода деревянных изделий из раскопок Новгорода, в которых рассмотрел все их категории¹⁴. Для X в. был зафиксирован чрезвычайно широкий набор деревянной по-

¹² Шапова Ю.Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды НАЭ. Т. 1. М., 1956. С. 164–179 (МИА. № 55).

¹³ Полубояринова М.Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Вып. 1. Новгород, 1994. С. 75–82.

¹⁴ Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. 62 с. (САИ; Вып. Е1-55); Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. 178 с. (САИ; Вып. Е1-55).

суды: бондарной, резной, долбленой, токарной и пр. Кроме того, для этого времени были характерны двусторонние деревянные гребни, большие массивные мисы и ковши, украшенные резьбой по рукояти (чаще всего в виде головы дракона). Наряду с ними в слоях X в. обнаружено немало деревянных предметов бытового, хозяйственного и промыслового назначения, форма и типы которых не менялись на протяжении столетий.

Изделия из кости долго оставались вне поля зрения исследователей Новгорода. Лишь на исходе XX в. изучением косторезного ремесла занялась Л.И. Смирнова, которая прежде всего проанализировала видовой состав костей и рогов животных, использованных для изготовления костяных предметов. Она изучила также и отдельные категории. В частности, ею были рассмотрены многочисленные в слоях X в. проколки из заостренной кости животного непонятого назначения, которые практически отсутствуют в более позднее время. Исследовательница установила их функциональное назначение и уточнила датировку, оказалось, что костяные проколки предназначались для ткацко-прядельного ремесла. Сокращение количества таких находок в более позднее время, по мнению автора, свидетельствует о технологических инновациях в сфере городского ткачества¹⁵.

Кроме того, в монографии, посвященной производству костяных гребней в Новгороде, Л.И. Смирнова провела планиграфический анализ этой категории находок на Неревском раскопе. Она обратила внимание на то, что наибольшее количество односторонних гребней ранних типов было обнаружено в северо-восточной части памятника на усадьбах А и Б, из чего сделала вывод о более раннем освоении территории к востоку от Великой улицы, что согласуется с гипотезой П.И. Засурцева о древнейшем поселке в северной части Неревского раскопа¹⁶.

Работа с категориями индивидуальных находок привела к созданию сводных типо-хронологических таблиц, что стало одной из исследовательских задач Б.А. Колчина. В статьях, посвященных хронологии новгородских древностей, автор рассмотрел разнообразные категории индивидуальных находок, обладающих датирующими признаками, обозначил время их бытования и проследил эволюцию типов¹⁷. Наряду с опубликованными категориями находок автор

¹⁵ Смирнова Л.И. Проколки. Хронология и функциональное назначение // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 13. Великий Новгород, 1999. С. 142–161.

¹⁶ Smirnova L. Comb-making in Medieval Novgorod (950–1450): An Industry in Transition. London, 2005. P. 92–94 (BAR International Series. Vol. 1369).

¹⁷ Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177.

включил в свою работу шиферные пряслица и костяные и деревянные гребни. Их находки исчисляются тысячами, что дает надежные аргументы для обоснования смены типов и динамики бытования. В частности было установлено, что для X в. были характерны только односторонние костяные расчески. Результатом масштабной работы Б.А. Колчина явились сводные типо-хронологические таблицы, ставшие основой не только новгородского, но и древнерусского вещеведения в целом.

Наряду с систематизацией коллекций индивидуальных предметов началось изучение массового материала и прежде всего керамики, неревская коллекция которой составляет более миллиона обломков. Их анализу посвятила свою научную деятельность Г.П. Смирнова. Обработку керамического материала Неревского раскопа она начала с коллекции из раскопок 1951–1954 гг. Ею впервые были выделены основные типы керамической посуды, бытовавшей в Новгороде на протяжении X–XV вв., каждый из типов получил надежную дату. Исследовательница обратила внимание на присутствие в слоях X в. наряду с преобладающей гончарной керамикой нескольких образцов лепной керамики. Керамические материалы X в. свидетельствовали об этнокультурной связи между Новгородом и Ладогой¹⁸.

В дальнейшем керамика из слоев X в. стала предметом особого внимания Г.П. Смирновой. В новых исследованиях она обратилась к анализу трех типов раннегончарных горшков, которые, как оказалось, имели ближайшие аналогии в материалах городов южной Балтики. Это наблюдение привело исследовательницу к выводу о тесном контакте поморских славян и древних новгородцев в X в., позже он нашел подтверждение при лингвистическом анализе берестяных грамот. Особый интерес Г.П. Смирновой вызывали находки фрагментов лепной керамики, впервые отмеченные ею на усадьбах северной части Неревского раскопа. Сравнив сосуды раннего Новгорода с керамикой Южной Балтики и Северо-Запада Руси, Г.П. Смирнова установила, что лепная посуда Неревского раскопа датируется временем ранее середины X в. Это привело к появлению гипотезы о существовании на Неревском раскопе доярусного слоя, т.е. культурных отложений более древних, чем первые ярусы мостовых. Именно в этом слое и находятся скопления лепной керамики¹⁹. Мощность доярусного слоя, по мнению Г.П. Смирновой, составляла от 30 до 100 см, она датировала его концом IX — первой половиной X в.

¹⁸ Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды НАЭ. Т. 1. М., 1956. С. 234–237 (МИА. № 55).

¹⁹ Смирнова Г.П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146. М. С. 3–10.

В 2000-е гг. проблема новгородской керамики вновь была затронута В.М. Горюновой, которая исследовала раннегончарную керамику городских центров Северо-Запада Руси. Наряду с изучением материалов Троицкого раскопа, она еще раз обратилась к древнейшим напластованиям Неревского раскопа, где уточнила типологию и хронологию сосудов. В особенности были откорректированы данные об использовании южно-балтийской керамики в Новгороде. Эта работа приобрела большое значение благодаря сопоставлению раннегончарной посуды X — начала XI в. Новгорода и других городских центров (Пскова, Ладоги, Рюрикова городища), что позволило рассмотреть в динамике эволюцию керамического набора Северо-Запада²⁰.

Одновременно с изучением раннегончарных сосудов велась работа по анализу лепной посуды. К решению данной проблемы обратился А.В. Плохов. Он проанализировал лепные сосуды Троицкого и Неревского раскопов, уточнил их типологию и хронологию. Автор отметил некоторые противоречия между работами П.И. Засурцева, который утверждал, что древнейшие мостовые располагались на поверхности материка, и работами Г.П. Смирновой, писавшей о значительной прослойке культурного слоя под первыми ярусами мостовых. А.В. Плохов пришел к выводу, что распространение лепной посуды на Неревском раскопе ограничено 50–60-ми гг. X в., а попадание обломков лепных сосудов в слои конца X в. можно объяснить движением и перемешиванием культурного слоя под воздействием внешних факторов²¹.

Таким образом, за годы обработки материалов Неревского раскопа были исследованы многие категории предметов, разработана их типология и хронология, некоторым из них дана этническая характеристика.

III. Комплексное изучение новгородских усадеб. Это направление является логическим продолжением и реализацией итогов разработок, рассмотренных в двух предыдущих разделах. Анализ совокупности материалов, происходящих с одной усадьбы, позволяет определить социальный статус жителей города, охарактеризовать их повседневную жизнь и приблизиться к пониманию общественной жизни древних новгородцев. Подобные работы сопряжены и с

²⁰ Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI вв. / Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб., 2005. С. 97–121.

²¹ Плохов А.В. Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. С. 417–431.

рядом проблем. Во-первых, быстрое накопление археологического материала не позволяло исследователям осуществлять его научную обработку в полном объеме. Во-вторых, целостное исследование усадьбы само по себе требует больших усилий, поскольку данный анализ является одним из самых трудоемких форм исследования в городской археологии. В-третьих, среди ученых отсутствуют единое понимание методики подобных работ, критерии разграничения хронологических горизонтов и принципы интерпретации материалов. Все эти проблемы сказались на том, что количество исследований в данной области невелико.

Одной из первых попыток целостного подхода к усадьбам является научно-популярная работа П.И. Засурцева «Новгород, открытый археологами». В ней автор вкратце рассмотрел все усадьбы X–XIV вв., изученные на Неревском раскопе, предпринял попытку охарактеризовать материальную культуру и социальный статус ее владельцев. Одна из глав была посвящена Новгороду X в., в которой П.И. Засурцев дал общее описание усадеб и устанавливал их принадлежность. Он отметил, что усадьбами К и Е владели, вероятнее всего, феодалы; усадьба И имела земледельческий, а затем ремесленный характер; а хозяином усадьбы Д, возможно, был «незадачливый купец»²².

Эталон комплексного изучения усадеб по праву считается публикация усадьбы А Троицкого раскопа второй половины XII — начала XIII в. Речь идет о знаменитой усадьбе новгородского иконописца Олисея Гречина. Прежде всего, авторы исследования путем детального анализа дендрохронологических образцов и стратиграфии обосновали хронологию каждого яруса застройки. Благодаря корпусу берестяных грамот была установлена принадлежность усадьбы, охарактеризована динамика застройки владения, проанализирована вещевая коллекция. Итогом исследования стало полноценное описание жизни новгородского художника XII в. Олисея Гречина.

Вновь к вопросу изучения усадеб вернулись лишь в 2000-е. В это время данная проблема разделилась на два направления: теоретическое и методологическое обоснование принципов исследования и публикация материалов. В основном в этом направлении вел свои исследования М.И. Петров. В ряде статей он разработал методику анализа динамики усадебной застройки и принципы соотнесения пласта и яруса, а, следовательно, принципы привязки находок к сооружениям²³. В дальнейшем исследователь продолжил разработку

²² Засурцев П.И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 71–83.

²³ Петров М.И. Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 226–242.

этого метода, добавив ко всему аналитические возможности ГИС для обработки материала. Это дает возможность на основе количественных данных оценить плотность распределения керамики, кости и кожи в культурном слое, позволяет обнаружить точки скопления вещей и охарактеризовать зоны хозяйственной активности на усадьбе²⁴. Разработанная М.И. Петровым методика была апробирована им на ряде раскопов Великого Новгорода и нашла свое отражение в публикации средневековых усадеб.

Таким образом, к настоящему времени накоплен большой объем информации о культуре и быте жителей древнейших усадеб Новгорода, выработаны методические приемы обработки этих данных. Подводя итоги многолетнего анализа материалов Неревского раскопа, можно сделать следующие выводы.

Структура научного исследования, сформированная в первые годы работ на Неревском раскопе, определила во многом вектор дальнейшего изучения. Анализ археологического материала проводился параллельно по разным направлениям, концентрируясь вокруг определенных тем. Благодаря этому возникли разработанные концепции по вопросам домостроительства и благоустройства усадеб, выработана хронология и типология вещевых комплексов (бусы, изделия из железа и цветного металла, предметы из кости, кожаные изделия и пр.). Однако эта работа проведена на неполном материале. По причине того, что основное число публикаций вышло до завершения археологических исследований, значительная часть информации осталась вне поля зрения исследователей и по-прежнему не введена в научный оборот.

На настоящий момент отсутствуют работы, посвященные комплексному изучению усадеб Неревского раскопа. В значительной мере это было обусловлено нехваткой методологически обоснованной программы исследования и теоретической базы для такого рода работ. Но за последние годы на этом направлении достигнуты большие успехи, что стимулирует комплексный научный анализ городских владений, материальной и духовной культуры их владельцев, позволяя создать целостную картину жизни древних новгородцев. Таким образом, за время исследований на Неревском раскопе была подготовлена хорошая основа для того, чтобы начать комплексное исследование усадеб первых десятилетий истории Новгорода с привлечением широкого массива источников и ввести в научный оборот неопубликованные ранее материалы, изучив их на современном уровне.

²⁴ *Петров М.И.* Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА. 2012. Вып. 226. М. С. 27–36.

References

Paradzhveva N.N. *Postrojki Lyudina kontsa srednevekovogo Novgoroda (po materialam Troitskikh I–XI raskopov)* [Constructions in Lyudin in the end of Medieval Novgorod Era (Based of Troitsky Sites I–XI)]. Thesis for PhD (Candidate) in History. Moscow: IA RAN, 2010. 224 p.

Paradzhveva N.N. *Fundamentnyye konstruksii derevyannykh postroek Lyudina kontsa srednevekovogo Novgoroda* [Foundation structures of wooden buildings of Lyudin in the end of Medieval Novgorod Era] // *Khoroshie dni. Pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva* [Good Days. In Memoriam Alexander Stepanovich Khoroshev]. Velikij Novgorod; Saint Petersburg; Moscow: LeopArt, 2009, pp. 563–575.

Kirpichnikov A.N. *Drevnerusskoe oruzhie* [Ancient Russian Weaponry]. Iss. 2. *Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv.* [Spears, short lances, battle-axes, clubs, battle-flails of the 9th–13th Centuries]. Moscow: Nauka, 1966. 146 p. (SAI. Iss. E1-36).

Kolchin B.A. *Dendrokronologiya Novgoroda* [Tree-Ring Dating in Novgorod] // *Trudy Novgorodskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii* [Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963, pp. 5–103. (MIA. № 117).

Kolchin B.A. *Zhelezoobratyvyayushhee remeslo Novgoroda Velikogo* [Iron-working craft of Novgorod the Great] // *Trudy Novgorodskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii* [Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959, pp. 7–120. (MIA. № 65).

Kolchin B.A. *Novgorodskie drevnosti. Derevyannye izdeliya* [Novgorod Antiquities. Wooden Items]. Moscow: Nauka, 1968. 178 p. (SAI. Iss. E1-55).

Kolchin B.A. *Topografiya, stratigrafiya i khronologiya Nerevskogo raskopa* [Topography, stratigraphy and chronology of the Nerevsky Site] // *Trudy Novgorodskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii* [Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956, pp. 44–137. (MIA. № 55).

Kolchin B.A. *Khronologiya novgorodskikh drevnostej* [Chronology of Novgorod Antiquities] // *Novgorodskij sbornik: 50 let raskopok Novgoroda* [The Novgorod Collection: 50 Years of Excavations in Novgorod]. Moscow: Nauka, 1982. pp. 156–177.

Medvedev A.F. *Oruzhie Novgoroda Velikogo* [Weaponry of Novgorod the Great] // *Trudy Novgorodskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii* [Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959, pp. 121–191. (MIA. № 65).

Petrov M.I. *Izuchenie srednevekovoj gorodskoj usad'by s primeneniem geograficheskikh informatsionnykh sistem (po materialam raskopa Posol'skij-2006)* [Studies of medieval urban estate using geographic information systems (based on the Posol'skij site, 2006)] // *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Statements of Institute of Archaeology]. 2012. Iss. 226, pp. 27–36.

Petrov M.I. *Dnevnyaya poverkhnost': k probleme soglasovaniya plastov i yarusov* [Daylight area: On problem of correspondence of strata and layers] // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Its Lands: History and Archaeology]. Iss. 23. Velikij Novgorod: Novgorodskij muzej-zapovednik, 2009, pp. 226–242.

Plokhov A.V. *Lepnaya keramika iz raskopok v Velikom Novgorode* [Molded Ceramics from sites of Novgorod the Great] // *Khoroshie dni. Pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva* [Good Days. In Memoriam Alexander Stepanovich Khoroshev]. Velikij Novgorod; Saint Petersburg; Moscow: LeopArt, 2009, pp. 417–431.

Pokrovskaya L.V. *Yuvelirnye ukrasheniya Novgoroda X–XI vv. (po materialam Nerevskogo i Troitskogo raskopov)* [Jewellery of Novgorod of the 10th–11th Centuries (based on the Nerevsky and Troitsky site)] // *Velikij Novgorod v istorii srednevekovoj Evropy. K 70-letiyu V.L. Yanina* [Novgorod the Great in the History of Medieval Europe. Celebrating 70th Anniversary of V.L. Yanin]. Moscow: Russkie slovari, 1999, pp. 51–64.

Poluboyarinova M.D. *Poludragotsennnye kamni i yantar' v drevnem Novgorode* [Semi-precious stones and amber in ancient Novgorod] // *Novgorodskie arheologicheskie chteniya* [Novgorod Archaeological Readings]. Iss. 1. Novgorod, 1994, pp. 75–82.

Sedova M.V. *Juvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewellery of Ancient Novgorod (10th–15th Centuries)]. Moscow: Nauka, 1981. 196 p.

Shchapova Yu.L. *Steklyannye busy drevnego Novgoroda* [Glass Beads in Ancient Novgorod] // *Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ehkspeditsii* [Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956, pp. 165–179. (MIA. № 55).

Smirnova G.P. *Lepnaya keramika drevnego Novgoroda* [Molded Ceramics of Ancient Novgorod] // *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii* [Statements of Institute of Archaeology]. 1976. Iss. 146, pp. 3–10.

Smirnova G.P. *Opyt klassifikatsii keramiki drevnego Novgoroda (po materialam raskopok 1951–1954 gg.)* [A Study in Classification of Ceramics of Ancient Novgorod (Based on Excavations of 1951–1954)] // *Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ehkspeditsii* [Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956, pp. 228–248. (MIA. № 55).

Smirnova L. *Comb-making in Medieval Novgorod (950–1450): An Industry in Transition*. London: Oxford Univ. Press, 2005. 334 p. (BAR International Series. Vol. 1369).

Sorokin A.N. *Blagoustrojstvo Drevnego Novgoroda* [Public Maintenance in Ancient Novgorod]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1995. 138 p.

Zasurtsev P.I. *Novgorod, otkrytyj arheologami* [Novgorod Discovered by Archaeologists]. Moscow: Nauka, 1967. 206 p.

Zasurtsev P.I. *Usad'by i postrojki Drevnego Novgoroda* [Estates and Buildings of Ancient Novgorod] // *Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ehkspeditsii* [Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963, pp. 6–126. (MIA. № 123).

Поступила в редакцию
4 апреля 2018 г.